

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ ОБРЯДА «КУСТА»

К фольклору — важнейшей составной части народной культуры — обращаются историки и литературоведы, этнографы и лингвисты, искусствоведы и психологи. В свою очередь фольклористы при освещении тех или иных вопросов нередко привлекают данные других дисциплин. Некоторые вопросы вообще нельзя решать, оставаясь в рамках одной науки, они требуют комплексного подхода к предмету исследования. К их числу относится задача углубленного изучения локальных явлений в области славянской календарно-обрядовой поэзии. Для освещения более широкого вопроса — эволюции календарной обрядности, ее обусловленности конкретной историей народов — важно выяснить, что перед нами чисто местное образование или последний островок некогда широко распространенного явления. С этой точки зрения несомненный интерес представляет белорусский обряд «куста», зафиксированный в начале прошлого века на Полесье (в основном на Пинщине с прилегающими районами). Весенний девичий обряд «вождения куста» совершается во время «зеленой», «русальной» недели. Его содержание составляет выбор девушки (молодой женщины) на роль Куста, поход в лес, где девушку наряжают в зелень и цветы, возвращение в деревню, шествие по улице с песнями, величающими Куст и сопровождающее его «дзявоцкае войска», обход дворов с пением соответствующих песен.

Решение вопроса о пространственно-временных границах обряда «куста» невозможно без широкого привлечения фольклорно-этнографических, исторических и лингвистических данных. О древности полесского «куста» свидетельствует широкое распространение у многих народов мира подобных весенних обрядов, где главную роль играет зеленое дерево или наряженный в зелень человек (ср.: западноевроп. *майское дерево*, *зеленый Юрий*, чешск. и сербск. *красица*, польск. *гаик*, болг. *додола*, *пеперуда*, укр. *тополя*, рус. *березка* и др.). Не вызывает сомнений, что в нем нашел отражение культ растительности на той или иной стадии его развития. При этом довольно четко выявляется аграрно-хозяйственная функция кустового обряда. Песни заклинают урожай: «Пасею жыта ды няхай зародзіцца». Разумеется, в образе «куста» нашли отражение самые различные представления и, видимо, не в последнюю очередь, представления, связанные с Великой женской богиней плодородия. В обряде обнаруживается комплекс представлений о плодоносящей силе зелени, способной даровать плодородие земле. Сжигание убранства Куста на меже или закапывание его в землю (как одна из форм окончания обряда) должно было магически стимулировать урожайность. Красноречиво начало кустовых песен: «Каля куста сачавічанька густа». Из тела богини, ее рук произрастают деревья и цветы — кустовые песни славят чудесное дерево во дворе хозяина. К богине плодородия слетаются птицы, по сторонам ее изображаются две птицы и два всадника, вся она пронизана солнечными символами¹. И в кустовых песнях — «с тае чарэшкі салавейка вылятае (вар. «сокал»), Яго пер'ечка ўсе й падвор'ечка ссяе», или — «сівы конь выбягае, А на коніку міленькі паязжае»². Интересно, что изображение богини со всадниками встречается на прялках и полотенцах, которые невесты дарили своим женихам. Неудивительно поэтому, что кустовая песня о дереве во дворе адресуется сыну хозяина.

Есть основания предполагать, что те или иные представления, связанные с «кустом», были у всех восточных славян. Память о нем сохранили другие жанры фольклора (былины, песни-заклички, пословицы, поговорки) и письменные источники (летописи, договорные грамоты).

Об обычае поклоняться «кусту» косвенно свидетельствуют древнерусские летописи. Сведения о нем сосредоточены в Ипатьевской, Софийской I, Новгородской I младшего извода (Комиссионный список) и Псковских I и II летописях под 1245 (или 1246) и 1250 годами. Именно на Ипатьевскую летопись, где говорится о служении около «куста», ссылался И. И. Срезневский, собирая данные о поклонении славян растительности. Другие ученые, руководствуясь, видимо, не широким летописным контекстом, а содержанием отдельных отрывков, высказывали мнение, что «куст» — божество, которому наши предки поклонялись наравне с другими. К сожалению, материал летописей не дает оснований для столь

непосредственного вывода, ибо в данном случае речь идет не о пережитках славянского языческого обычая, как можно было бы ожидать: кланяться какому-то «кусту» заставляли приезжавших в Орду русских князей татары.

В летописных записях за 1245 (1246) год повествуется о жестоком убийстве в ставке Батия русского князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, не поклонившихся «кусту», который называется рядом с другими объектами поклонения—огнем и идолами: «приказано бяше волхвомъ вести я сквозе огонь и поклонитися кусту, и огневи, и идоломъ ихъ» (Софийская I летопись). Когда «волхвы» Батия повели Михаила и боярина Федора к месту, «идеже бяше огонь накладенъ по обе стороны, и мнози погани идяху сквозе огонь и кланяхуся кусту и идоломъ», русские патриоты отказались выполнить требование татар, за что и были убиты.

Обращает на себя внимание такой факт, что отсутствуют упоминания о каком-либо «кусте» в записках побывавших в то время в Орде Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Пересказывая историю смерти Михаила Черниговского, Карпини обращает внимание на то, что князь отказался поклониться на полдень Чингиз-хану, так как христианам не подобает кланяться изображению мертвого человека. Если принять, что Чингиз-хан стал обожествляться наравне с другими предками и пополнил сонм идолов, придется признать, что от Карпини как будто бы ускользнул общий смысл поклонов: он видел только идолов, в то время как через пять лет после убийства Михаила Ипатьевская летопись уже более определенно говорит о «вождении около куста» как об обычае поклонения предкам.

В других русских летописях, повествующих о тех же событиях, упоминаний о «кусте» нет, как нет их и после 1250 года вообще, хотя известно, что русские князья регулярно начали ездить к татарам с 1243 года и бывали там после 1250 года. Более чем скупы все их сведения о «кусте», но скупы красноречиво: так говорят о хорошо известном, понятном, не нуждающемся в комментариях. Напрашивается предположение, что поклонению «кусту» у татар был хорошо известный авторам летописей славянский (в частности, русский) аналог.

Н. И. Веселовский в комментариях к рассказу Карпини считал, основываясь на одной записи в Прологе (месяц сентемврий, лист 38), что речь у него шла не о поклонении изображению Чингиз-хана (в Прологе говорится о поклонении «канови», но без имени хана), а о чем-то другом, нам пока непонятном³. Не является ли это «непонятное» — очевидно, элемент обряда, связанного с культом предков (может быть, особый идол, капище) — таинственным «кустом» цитированных летописей? Об этом же писал и А. И. Соболевский: «Летописное «кусть» как будто бы означает какое-то сооружение (вроде жертвенника?), связанное с почитанием предков»⁴. Это тем более вероятно, что шаманская религия, как правило, осложняется культом предков. Не была исключением из этого правила и татаро-монгольская языческая религия.

Итак, можно постулировать, что типичное неславянское явление — обряд почитания предков в Золотой Орде — в силу близости к похожему славянскому обычаю был назван летописцами так же, как и последний, то есть «куст». Не память ли о том «кусте» сохранили белорусские пословицы, точно очертившие его сущность как некоего покровителя, подателя вполне материальных благ: «Пакланіся кусту, то ён дасць хлеба лусту». В этой функции он близок к кусту полесского обряда: «Дзе куста вадзілі, там ішпанічанька радзіла». «Куст» в значении старого, умудренного опытом хозяина, а ранее, вероятно, в значении «род», «древний род» встречается в пословицах «Дзе стары куст, там двор ні пуст», «Дзе стары кусток, там няма пусток», «Добрага куста добрыя адрыткі».

Центральная фигура полесского обряда издали, действительно, напоминает зеленый куст. Казалось бы, причина названия обряда ясна, если бы не прослеживались более глубокие связи (ср., например, литовск. *kūkšta* «пучок соломы на длинной жерди как межевой знак»). В качестве межевого ориентира «куст» встречается в купчих грамотах на землю («с куста на ямище»), причем на межевых знаках вырубались какие-то изображения. Эти данные позволяют предположить, что в древности «кустом» мог называться межевой родовой знак, символизирующий предка-охранителя родовых границ. Возможно, это был идол наподобие Збручского идола IV в. н. э., которого Б. А. Рыбаков

сближает с древним верховным богом плодородия восточных славян Родом⁵.

На разных этапах своего исторического развития славяне поклонялись и женским божествам земного плодородия, известным под именами Берегinya, Рожаница, Мокошь. Впоследствии в народном сознании происходит отождествление с ними богородицы девы Марии: служба богородице, имели в виду Рожаницу, а изображения девы Марии по атрибутам отождествлялись с Берегинею. Эта закономерность проявляется и в кустовых песнях. Они приобретают заповед, обращенный к богородице, которая, видимо, заменила собой какого-то языческого адресата: «Троица, тройца, пресвятая багародзіца, Пасею лянок, няхай зародзіцца». По атрибутам он родствен покровительнице прядения Мокоши, едва ли не самой странной и непонятной фигуре среди упоминаемых в «Пантеоне» Владимира божеств (кстати, не отголоски ли «куста» («коста») слышатся в ее имени Мо-кошь?). Отголоски какого-то кустового действия, включающего поклонение божеству, слышатся в детской песенке вызывания дождя: «Дождик, дождик, припусти! Я поеду у кусты, Богу молитца, Христу поклонитца»⁶. Можно, на наш взгляд, предположить, что «кусты», упоминаемые в одном древнерусском поучении, приводимом А. И. Соболевским, находятся на одной иерархической лестнице с Родом и рожаницами. Видимо, неслучайно и их соседство: «покоренье и послушанье отгонита... идоломоленье, чародейство, наузонашенье, вольхованье, ворожю, кусты, рожаницину тряпезу, мольние коровайное, поведанье навемъ, оканая желения и каранья»⁷.

Полевский обряд «куста» тесно связан и с культом предков. В. Я. Пропп утверждал, что «между культом покойников и культом растений имеется генетическая и смысловая связь»⁸. Оба эти культа формировались в тесной связи друг с другом, что нашло отражение в народных поверьях, преданиях, песнях. Связь душ умерших с растительностью носит универсальный характер в верованиях различных народов. Обряд «куста» по своей семантике родствен другим обрядам «зеленой недели» — «вождению русалики», «дзядам», «кумлению» с кумушкой, березкой, — которые тесно связаны с обычаем поминовения мертвых, с почитанием предков. Этот обычай приурочивается к «духову дню». Мертвые нуждаются в пище и воде, поэтому им устраивают поминальные столы. Мотив «дзядоў» входит и в лирику «куста». Кусту надо «піці-есці даці», с каждого двора «дзявоцкае войска» требует дары. В дом, избранный для гулянья, входили со словами, характеризующими последний этап обряда: «От тут Кусту піці-есці даці». Прямое отношение к «дзядам» имеет песенный мотив расставания с Кустом (в обряде — разрывание, сжигание или захоронение «одежды» Куста). Мотив расставания с Кустом развивается в мотив смерти-воскресения. Он является общим для поэзии «куста» и весенней игры восточных славян, известной у русских под названием Кострома, у украинцев — Коструб. В фигурах Костромы и Коструба видели персонификацию растительной силы (В. Пропп), идею вегетативного круговорота (О. Зилинский), символ «дйда» — отца рода (А. Вацлавик) и связывали данную игру с почитанием рода и общением с умершими сородичами (П. Владимиров, В. Петров)⁹. Весь этот комплекс представлений обнаруживается и в кустовой обрядности. В ней отчетливо проявляется характерная для славянского фольклора общность представлений с семантикой «смерть-свадьба». В некоторых местах Куст называют «невестой» (бел. «маладая»), а сам обряд — не «вадзіці Куста», а «хадзіці ў куста» (к «кусту»?). Подобных невест мы встречаем во многих аналогичных весенних обрядах славянских народов, часто их сопровождают напарники (болг. *лазарица* и *лазарь* или *буенек*, чешск. *красица* и *краль* и др.). Здесь мы, по-видимому, имеем дело с особой формой символического брака, закрепляющего связь между людьми и миром природы (связанного с миром мертвых).

При совершении языческого брака важная роль отводилась обрядам, обеспечивающим заступничество предков. В этой функции выступают действия с хлебом (каравай) и зеленью, олицетворяющими предка-покровителя. Во многих источниках упоминается как пережиток обычай совершать брак обведением молодых вокруг дерева (дуб, ель, ракита). Так венчаются Добрыня и колдунья Маринка, у которой «в термах нету спасова образа»: «Оне в чистом поле женилися, Круг ракитова куста венчались»¹⁰.

Таким образом, не случайно объект, которому заставляли поклоняться русских князей татары, летописец назвал «куст». Чтобы дать представление о смысле татарского обычая, он употребил понятное славянину слово, проводя тем самым аналогию между представлениями разных народов, в основе которых лежал культ предков. Поклонение князей «кусту» могло быть присягой на верность и означать отречение от своего «куста», своего «корня», рода. Понятно, что истинные русские патриоты, какими выступают в летописях Михаил Черниговский и позже Даниил Галицкий, не могли пойти на это.

Интересным также представляется и вопрос, не подкреплялось ли сходство содержания двух обрядов (славянского и татарского) чисто языковыми, в данном случае, конечно, омонимичными соответствиями. Как будто бы подтверждает это предположение интересное место в некоторых списках Ипатьевской летописи, где говорится о том, что приходящих к Батью водили «около коста». Думается, что это не ошибки писцов, напротив, другие переписчики, помня о славянском «кусте», исправили это место на «коуста».

Логично допустить, что свидетели гибели Михаила Черниговского слышали, как татары достаточно часто (особенно, может быть, при неоднократных напоминаниях о необходимости идти «сквозь огонь») повторяли слова, по звуковому облику напоминающие древнерусское «кусть»; от них эти слова могли быть усвоены летописцами первоначально, видимо, в виде «кость» (восходящего к словоформам с ударением на окончании), позднее, как говорилось выше, «исправленное» переписчиками. Память о языческом «кусте» должна была быть еще очень живой в то время, а о том, что это нечто запретное, противоречащее установлениям христианской церкви, свидетельствует уже упоминавшееся нами древнерусское поучение.

Сопоставление обряда «куста», фиксируемого ныне только на Полесье, и «куста» древнерусских летописей, ценно тем, что документально, хотя и косвенно, доказывает принадлежность первого всем восточным славянам.

¹ См.: Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков.— М., 1957, с. 53.

² Здесь и далее используются записи кустовых песен, сделанные Р. М. Ковалевой в Пинском районе Брестской области.

³ См.: Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям.— Журнал Министерства народного просвещения, 1916, № 7, с. 86.

⁴ Соболевский А. И. Из истории словарного материала.— Русский филологический вестник, вып. 1, № 3—4.— Варшава, 1913, с. 90—91.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества.— М., 1964, с. 8.

⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник, т. 1, вып. I—II.— К., 1886, с. 173.

⁷ Соболевский А. И. Указ. работа, с. 90.

⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники.— Л., 1963, с. 96.

⁹ См.: Зилинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома—Коструб).— Русский фольклор, XI.— М.— Л., 1968, с. 207, 211.

¹⁰ Добрыня Никитич и Алеша Попович.— М., 1974, с. 164.

К БИОГРАФИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

(Публикация, вступительная заметка

и комментарий А. С. Малинина)

Изучение русской общественной мысли, литературного процесса и истории журналистики последней трети прошлого века не будет полным без выяснения роли Н. К. Михайловского—социолога, критика и редактора. Между тем, эта задача далеко еще не выполнена, остается неизученной и биография Михайловского, хотя после долгого перерыва появились новые работы о нем.

Никто более В. И. Ленина не сделал для идейного разгрома народничества в 90-е годы, но уже в 1914 году, когда либерально-буржуазная и буржуазно-демократическая пресса широко отмечала десятилетие со дня смерти Михайловского, Ленин находил возможным исторический подход к оценке его наследия.

В статье «Народничество и класс наемных рабочих» В. И. Ленин писал о том, что теория о «миновании Россией фазы капитализма» была